

DOI 10.35775/PSI.2024.106.6.004

УДК 32.327

М.В. ОБИДИН

аспирант факультета политологии

МГУ им М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

<https://orcid.org/0000-0001-8527-7735>

E-mail: m.obidin@mail.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

Данная статья посвящена рассмотрению процесса популяризации цивилизационного подхода в рамках сначала западной, а затем российской политологии, а также влияния цивилизационного подхода на теорию и практику современных международных отношений. Рассмотрению подвергается контекст появления цивилизационного подхода и его дальнейшая эволюция, а также эволюция контекста его применения как в политической науке, так и в управленческой и дипломатической практике, и, как итог, его закрепление в качестве современной российской постидеологии.

Цель проведенного исследования – выявить наиболее проблемные аспекты цивилизационного подхода и указать на опасность его длительного применения в качестве оснований для проведения политологических исследований и курса международной политики. Основным авторским выводом выступает утверждение, согласно которому опасность цивилизационного подхода заключена в том, что он не позволяет выстроить принципиально новую систему международных отношений или управленческих практик внутри государства – он лишь позволяет обосновать саму их необходимость. Таким образом, его пригодность к использованию для политической элиты утрачивается в момент окончательного утверждения собственного методологического суверенитета в науке и формирования независимого политического курса на практике.

Ключевые слова: цивилизационный подход, международная политика, политология, история политической науки, политическая методология.

Введение. Современная отечественная политическая наука сложилась в качестве самостоятельной университетской, академической и признанной государством дисциплины только в конце 1980-х годов. Существуют и иные взгляды на данный факт, однако наиболее общепринятой все же считается позиция, согласно которой политология конституировалась как отдельная дисциплина именно в последние десятилетия XX века [6. С. 94].

Позднее формирование имело следующие последствия: во-первых, собственная теоретико-методологическая база отечественной политологии во многом была не до конца устоявшейся, во-вторых, становление политологии пришлось

на серьезный кризисный период, во многом приведший как к упадку отечественной науки вследствие недостатка финансирования и кадрового голода, так и к ценностному кризису постсоветского общества, а через него – гуманитарных наук в целом. На практике это означало, что начавшийся транзит экономической модели в постсоветских государствах спровоцирует также и ценностно-методологический транзит в гуманитарных науках. В рамках политологии это означало наступление эпохи доминирования западных (чаще всего американских) подходов к проведению политических исследований.

В американской научной традиции до 40-х годов XX века господствовал сравнительно-исторический метод, концентрировавший внимание на сравнении деятельности формальных институтов. Дальнейшее развитие политической науки сместило фокус на деятельность отдельных людей в рамках политического пространства, ознаменовавшее переход к бихевиористскому восприятию политики. Данный переход также отметил определенный разворот от продвижения либеральных ценностей через политическую науку к фокусированию на накоплении научных знаний [4. С. 14].

Вопрос о ценностях в политологии вернулся на волне «постбихевиористской революции» и утверждения неоинституционализма. Абсолютная объективность и отстраненность от общественных конфликтов стала восприниматься негативно, а потому политизация исследователя была объявлена не только неизбежным, но и желанным процессом [7. С. 117].

Однако триумфальное возвращение институционализма в 80-х означало, что новая методология политической науки будет представлять собой своеобразный синтез пост-бихевиоризма со стремлением рассматривать политические процессы как изменения в наиболее стабильных и проверяемых общественных структурах – в институтах. Таким образом, для политической науки результатом конца Холодной войны стало господство неоинституционализма, получившего в наследство от предшественника идею о ценностном транзите и политизации гуманитарных наук как о благе, и массовый отход исследователей как от советской вариации марксизма, так и от теории конвергенции разных методик вследствие разрушения социалистического блока.

Для российской политической науки результатом стала ориентация на полное заимствование господствующей западной методологической модели, что привело на ранних этапах к почти тотальному игнорированию цивилизационного, мир-системного, синергетического и других подходов.

Основная часть. Активизация интереса к цивилизационному подходу приходится на чуть более поздний период истории – на середину 90-х годов XX века, когда вышел труд С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Согласно его позиции, именно цивилизационные конфликты будут определять облик мира в эпоху после Холодной войны, поскольку глобализация сгладит ранее существовавшее деление на «первый», «второй» и «третий» мир, а основания для последующих объединений и столкновений будут представлять культурные различия между нациями и группами наций [17. С. 11-49].

Основанием для разделения на цивилизации выступил набор признаков, в который входят язык, история, религия, традиции, институты, а также субъективные мироощущения самого народа. Эти различия глубже, чем между политическими идеологиями и режимами. Также существуют и иные, не менее важные причины – во-первых, глобализация заставила народы с разными идеями и ценностями контактировать намного чаще, что провоцирует конфликты и ведет к росту цивилизационного сознания, во-вторых, экономическая модернизация во многом разрушает привычный уклад жизни в традиционных обществах, подрывает государственные структуры и ослабляет их интегративные функции, в-третьих, доминирование Запада вызывает у других стремление к реваншу [16. С. 186-194]. Резюмируя позицию Хантингтона, ставка делалась на конфликтную природу человечества, а источником конфликтов в мире после глобализации стали факторы, которые нельзя изменить с помощью свободного выбора – культура и происхождение.

По мнению автора, именно подобная позиция и значительный прогностический потенциал данной концепции сделали ее столь привлекательной для многих политологов как на Западе, так и в России – ведь конец Холодной войны породил огромное множество локальных конфликтов или полномасштабных войн с участием НАТО. Подобное простое по своей сути объяснение было весьма позитивно воспринято двумя важными группами давления в любом государстве – дипломатами и военными. Если идея либерального глобализма не оставляла им места в будущем объединенном мире, то в рамках цивилизационного подхода и вечного столкновения цивилизаций они вполне свободно могли продолжать требовать для себя особого положения в политической элите любой страны.

Коллективный Запад при этом продолжил делать ставку на институциональный подход в силу его универсальности – он годился как для внутреннего пользования, позволяя гарантировать идеологическую и социальную целостность западных обществ, так и для внешнего, позволяя оказывать экономическое, политическое и культурное давление на всех потенциальных конкурентов. России же действительность диктовала другие условия. После коллапса СССР и отделения национальных республик, после двух войн в Чечне с ярко выраженным этно-религиозным характером противника, после распада Югославии на национальные республики, а также после первых симптомов начавшегося кризиса глобализации в 2008 году, российская элита увидела в цивилизационном подходе то, чего во многом очень сильно не хватало России в постсоветскую эпоху – идеологический концепт, позволяющий ответить на внутренние и внешние вызовы.

Основных причин, почему началось возвышение цивилизационного подхода в России, автор видит четыре:

1. Основным внутренним вызовом российской государственности был и остается вопрос о формировании гражданской коллективной идентичности, от которой зависели многие другие факторы – от установления институтов гражданского общества, как считали либералы, до национального возрождения

России, как считали правые консерваторы. Цивилизационный подход позволял строить идентичность на основе принадлежности к весьма лестной категории – «государству-цивилизации».

2. Поворот в сторону скептицизма в отношении Запада. В ранний постсоветский период риторика российской элиты строилась на вхождении в число «цивилизованных демократических стран». В условиях противостояния «коллективному Западу» появился запрос на собственные цивилизационные ценности, позволяющие выработать стратегию мобилизации общества на поддержку государства.

3. Общественный запрос на внутреннюю стабильность. Идея о России как «государстве-цивилизации» позволила примирить в рамках одного общества сторонников сильного государства, последователей традиционных конфессий, умеренных националистов и представителей национальных меньшинств, которые были готовы к мирному сосуществованию, но не желали ассимилироваться.

4. Наконец, стремление к более справедливому геополитическому положению. Окончание Холодной войны стало для России периодом отказа от геополитических интересов, а для США – временем гегемонии. Такое положение дел не могло продолжаться вечно, а цивилизационный подход позволял искать союзников среди стран, которых не устраивало вековое господство сначала колониальных держав, а затем и США, позиционировавших себя как оплот западных ценностей и идеалов.

5. Четыре вышеозначенные причины привели к тому, что цивилизационный подход, будучи невероятно удобным методом легитимации внутренней и внешней политики, а также базисом для исследований «уникальной российской специфики» во всех отраслях, из научно-философского подхода стал постидеологией. В данном случае, термин «постидеология» понимается через труд «Идеология и политика» Дж. Шварцмантеля: **«идеология в процессе трансформации перестанет быть идеологией в привычном для нас смысле, однако останется в политическом и социальном дискурсе в качестве подвижного и гибкого регулятора социальных и культурных феноменов, настроения и ценностей граждан, условием генерирования новых идей, смыслов и систем ценностей [3. С. 140-142].**

Подтверждает данное высказывание следующий набор примеров:

1) Официальный журнал российского МИДа – «Международная жизнь» – публикует за последние 2,5 года исключительно исследования, посвященные международной обстановке, выдержанные в духе цивилизационного подхода [9]. Исключений, найденных автором, исчезающе мало (1 статья в выпуске за февраль 2023 года.)

2) Высказывания первых лиц государства. Анализ цивилизационного дискурса В.В. Путина показывает следующее разделение:

- На первом этапе (1999-2006 гг.) преобладало понимание страны как части общемировой и европейской цивилизации.

- На втором этапе, который начался с выступления в Мюнхене в 2007 г. и закончился разрывом отношений с Западом после т.н. «Русской весны» в 2014 г., впервые было заявлено, что Россия представляет собой специфическое государство-цивилизацию.

- Третий этап, начавшийся в 2015 г., характеризуется преобладанием высказываний о жестком противостоянии России и западной цивилизации [8. С. 53-71].

3) Опросы ВЦИОМ, который с 2000 года по 2023 формулирует вопросы с акцентом на «различие между Россией и **западной цивилизацией**» [1; 2]. Отдельные эксперты еще в 2000-х считали, что подобное противопоставление может стать основанием для формирования новой идеологии [5. С. 48].

4) Список, к примеру, книг от «Библиотеки факультета политологии МГУ» (1), раскрывающих тему современной международной политики России – в духе цивилизационного подхода написаны за последние 10 лет 4 крупных труда: «Универсальные ценности в мировой и внешней политике» П. Цыганкова (2012), «Современная цивилизация. Вызовы и альтернативы» А. Капто (2013), монография «Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века» (2016), «Цивилизационные основания политических проектов» М.В. Горбачев (2020). Для сравнения – в духе мир-системного анализа нет ни одного труда сопоставимого объема.

Таким образом, можно констатировать факт смены дискурса о необходимости утверждения в России гражданского общества, рыночной экономики и интеграции в западный мир, сменился на дискурс о необходимости отстаивания своей цивилизационной целостности, что является индикатором утверждения пост-идеологии. Проблемой же является характер новой ценностной ориентации. Автор подчеркивает, что либеральный глобализм и сопровождающий его неоинституционализм – это заимствованная крайне идеалистическая концепция, не выдержавшая критики российской действительностью в условиях кризиса капиталистической мир-системы. Однако цивилизационный подход – это такая же заимствованная и такая же идеалистическая концепция. Современный цивилизационный подход во многом имеет статус новой эсхатологии для людей, считающих либеральные демократии западных стран вершиной развития если не всего мира, то как минимум целой цивилизации (О. Шпенглер, П. Сорокин и т.д.).

Доказательством тому служит идея об имманентности политических и культурных ценностей, лежащих в основе цивилизационной идентичности. «Исторически сложившиеся» в трактовке Хантингтона черты разных народов, позволяющие схожим нациям и культурам объединяться в цивилизации, обретает форму исторически predetermined догмы, делающей невозможной любую культурную, религиозную, этно-религиозную и иную ассимиляцию. Более того, сам процесс глобализации, который пытается через призму

столкновения цивилизаций описать С. Хантингтон, стал бы абсолютно невозможен, а размывание цивилизационной идентичности, вызывающее столь яростную реакцию у фундаменталистов и традиционалистов, могло бы быть следствием только открытого завоевания, но не ползучей экспансии. И, разумеется, стоит упомянуть пример, являющийся, по мнению автора, самым слабым местом концепции цивилизационного разделения – гражданские войны. Если предположение об одинаковых исторически сложившихся условиях должно формировать цивилизационную общность, то конфликты масштаба гражданских войн должны иметь только ярко выраженный этно-религиозный характер, что опровергает сама история.

Столь открытое пренебрежение экономическими и социальными факторами, выступающими в долгосрочной перспективе как раз теми пресловутыми «историческими условиями» складывания цивилизационных ценностей, делают цивилизационный подход крайне малоэффективным во всех существующих вопросах международных отношений, кроме обоснования наличия у государства дипломатического корпуса и вооруженных сил. Он также крайне мало может дать в качестве основания для прогноза, поскольку ограничен либо цивилизационным циклом Тойнби и Шпенглера, предрекающим упадок того, кто уже пережил свой цивилизационный пик, либо перспективой войны всех против всех, только со спецификой взглядов Хантингтона, а не Гоббса. Иными словами, цивилизационный подход крайне слабо может описать многополярный мир, за утверждение которого активно борется нынешняя Россия.

Если же рассматривать более поздние ответвления цивилизационного подхода, то и у них есть серьезные противоречия.

- Диалог цивилизаций по М. Хатами предполагает утверждение равенства народов и государств [13]. Но тогда получается либо прямое отрицание цивилизационного концепта и возведение каждой страны в статус цивилизации, либо сложившимся цивилизациям отдается статус «новых Великих Держав». Если принять во внимание взгляды Хатами на преодоление разногласий в исламском мире, получается, что уважительная риторика и поощрение «диалога между цивилизациями» должна продвигать цивилизационную унификацию и поглощение малых стран и религий «новыми Великими Державами», а противоречия между ними диалог уже никак не снимает [14].

- Диалог цивилизаций по Ф. Петито, созданный как противовес концепциям «Конца истории» и «Столкновения цивилизаций». По мнению Петито, диалог должен строиться на моральной основе многокультурного и глобализированного мирового сообщества [12]. Однако сам автор даже не пытается привести аргументы в пользу того, почему уважение к культурной, политической и религиозной автономии не может вдруг смениться новым международным макиавеллизмом.

- Наконец, коэволюция цивилизаций по А.С. Панарину. Слабым местом его философии и рассмотрения логики развития человечества автор считает идею о догоняющей модернизации как пренебрежении к цивилизационному

началу, отрицании исконных свойств модернизирующейся системы и ее стандартизации по западному образцу, «покушением Запада на историю» [10]. В действительности такое «покушение на историю» как раз и вызывало необходимость адаптации и модернизации, останавливало унификацию по западному образцу – примером тому служит и история России, и история стран Азии, защитивших свой суверенитет в эпоху колониализма. Вопрос гегемонии внутри цивилизаций Панарин вовсе игнорирует. Ценность трудов Панарина, однако, неоспорима – они представляют собой подобие кодификации взглядов современной российской элиты на международный политический процесс и роль России в нем [11].

- Как показала деятельность российской политической элиты, именно доработанная идея о диалоге культур и цивилизаций сейчас является основой для многих международных инициатив России. К примеру, форум «Диалог цивилизаций» на о. Родос, проходящий с 2003 года [15. С. 109-117], заявленной целью которого является выстраивание международных отношений в духе взаимного уважения и международного права. Однако такая совместная деятельность цивилизаций никак не остановит их будущий конфликт за звание нового мирового гегемона.

Заключение. Подводя итоги, хочется еще раз подчеркнуть историческую значимость цивилизационного подхода для отечественной политологии. На ранних этапах он сыграл свою прогрессивную роль, выступив в качестве антитезы либеральному глобализму и неоинституционализму, определив не только курс отечественной политологии, но и российской политики – курс на самодостаточность и подготовку к изменению мирового статус-кво. Однако цивилизационный подход является инструментом с очень сильно ограниченным сроком годности. Так, во внутренней политике он может привести к акценту на снятии культурных противоречий в ущерб решению социальных и экономических разногласий, во внешней же политике именно отсутствие внятной альтернативы либеральному глобализму как системе отношений, способной объединить весь мир, может привести к установлению лишь краткого периода многополярности, во время которого появится новый кандидат на авторство универсалистского мироустройства и усомнится в т.н. «праве цивилизаций на самоопределение». Так или иначе, вопрос новой универсальной идеологии для современного мира – это, по мнению автора наиболее важный из современных вопросов международных отношений, а решить этот вопрос современная российская политическая наука в рамках цивилизационного подхода не сможет.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Автором имеется в виду издательская серия «Библиотека факультета политологии МГУ». Редакционная коллегия серии: А.Ю. Шутов (председатель), А.А. Ширинянец (зам. председателя), З.Н. Осадченко (отв. секретарь), К.М. Андерсон, А.С. Ахременко, И.Ю. Демин, А.Л. Демчук, Т.В. Евгеньева, В.И.

Коваленко, Ю.С. Пивоваров, П.А. Цыганков, И.А. Чихарев, Е.Б. Шестопал, В.И. Якунин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные о том, что россияне думают о месте нашей страны в Европе и мире; какие чувства у респондентов вызывают такие понятия, как: Европа, Азия, Америка, СНГ, ООН и т.п. Москва, 16 марта 2007 г. // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-dushoj-v-evrope-telom-v-azii>.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты опроса россиян о влиянии Запада на отечественную культуру. Москва, 23 августа 2022 г. // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultura>.
3. **Гаршин Н.А.** К вопросу об онтологическом статусе феномена постидеологии // Международный научно-исследовательский журнал. № 3 (57). Часть I. Март.
4. **Жуковский А.Г.** Современные парадигмы политологического исследования: модели взаимодействия: автореферат дис. ... доктора политических наук: 23.00.01 / [Место защиты: Сев.-Кавказ. акад. гос. службы]. Ростов-на-Дону, 2011.
5. **Зудин А.Ю.** Россия, 1998-2001 гг.: путь к новой идеологии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2001. № 5.
6. **Ирхин Ю.В.** Российская политология: этапы генезиса и особенности институализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1.
7. **Истон Д.** Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. 1993. № 8.
8. **Мальченков С.А.** Цивилизационный дискурс в высказываниях В.В. Путина // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2.
9. Официальный онлайн-архив выпусков журнала «Международная жизнь» // <https://interaffairs.ru/virtualread/lang/rus>.
10. **Панарин А.С.** Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998.
11. **Панарин А.С.** Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1994.
12. **Петито Ф.** Диалог цивилизаций как предмет для глобальных политических дискуссий: некоторые теоретические размышления // Диалог цивилизаций и международные отношения в условиях глобализации: монография. Москва – Нижний Новгород – Бейрут, 2008.
13. **Хатами М.** Ислам, диалог и гражданское общество // РОССПЭН. 2001.
14. **Хатами М.** Страх перед бурей. Москва: Изд. Моск. ун-та, 2001.

15. **Якунин В.И.** Инициативы мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» // Новая и новейшая история. 2010. № 2.
16. **Huntington S.P.** If not civilization, what? Paradigms of the post-cold war world. Response // Foreign affairs. N.Y., 1993. Vol. 72. No 5.
17. **Huntington S.P.** The clash of civilizations? // Foreign affairs. N.Y., 1993. Vol. 72. No 3.

M.V. OBIDIN

Postgraduate, Lomonosov Moscow

State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8527-7735>

CIVILIZATIONAL APPROACH IN MODERN RUSSIAN POLITICAL SCIENCE AND INTERNATIONAL POLITICS

This article is devoted to the consideration of popularization process of the civilizational approach within the Western and then Russian political science framework, as well as the influence of the civilizational approach on the modern international relations theory and practice. Author examine civilizational approach emergence context, approach further evolution as well as the evolution of the context of its application both in political science, policy and diplomatic practice and, as a result, its consolidation as a modern Russian post-ideology.

The purpose of the study is to identify the most problematic aspects of the civilizational approach and point out the danger of its long-term use as conducting political science research basis and an excuse for international policy.

The main author's conclusion is the statement that the civilizational approach danger lies in lack of possibility to build a fundamentally new system of international relations or management practices within the state – it only allows to justify their very necessity. Thus, its suitability for use by the political elite is lost at the moment of the final assertion of its own methodological sovereignty in science and the formation of an independent political course in practice.

Key words: *civilizational approach, international politics, political science, history of political science, political methodology.*